

Глава VIII
СОЦИАЛЬНО-ЖАНРОВЫЙ КОМПОНЕНТ
СТИЛИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

§ 118. ПОНЯТИЕ НОРМЫ

Выше, в § 41, была высказана мысль, что все виды социально-жанровой окраски языковых единиц на самом первом этапе анализа можно подвести под оппозицию нормативность — ненормативность, т. е. что любую языковую единицу можно определить как соответствующую или не соответствующую норме. Отсюда необходимость прежде всего определить понятие нормы и уточнить, в каком смысле мы будем его употреблять.

Применительно к человеческому поведению и человеческой деятельности вообще норму можно определить как общественно признанные и общественно одобренные правила поведения в каких-то определенных обстоятельствах, санкционированные обществом (или группой) способы деятельности в определенной сфере и в определенных условиях. Из этого определения вытекают 3 следствия: 1) норма всегда относительна, действует только в определенных пределах — то, что допустимо в одних обстоятельствах, запрещается в других; 2) норма обязательно предполагает возможность нарушений и осознается через нарушения¹; 3) нормы и ролевые предписания — это две стороны одного и того же явления: «в сознании личности социальные нормы функционируют в форме ролевых предписаний»².

§ 119. НОРМА В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Исходя из сказанного, в речевой деятельности человека можно выделить целый ряд норм, различающихся степенью обязательности и шириной сферы применения, т. е. сложную иерархию норм. «Нет общей нормы, которая была бы в равной степени приемлема для всех случаев общения. Есть система

норм, дифференцированных применительно к различным признакам речевой ситуации и к другим характеристикам общения»¹.

Перечислим основные нормы, которым подчиняется речевая деятельность носителей данного языка.

1. Самую широкую языковую норму составляет национальный язык во всем многообразии не только форм своего существования, но и своих потенциальных возможностей, т. е. язык как система. «Первый тип норм, — пишет об этом В. А. Ицкович, — нормы, которые определяются системой русского языка в отличие от систем других языков. Эти нормы обязательны, не знают исключений. Их нарушение означает выход за пределы возможностей, предоставляемых системой, т. е. не только за пределы того, что реально существует в языке, но за пределы того, что в нем может быть. Иначе говоря, нарушение этих норм означает употребление образований не только несуществующих, но и невозможных в данном языке»².

Так, нарушающими эту общую норму современного французского языка следовало бы признать такие высказывания, как *Pierre a mordu le chien* (если, конечно, имеется в виду обратное, т. е. что собака укусила Пьера) или *Moï parler bon in french*. Такого рода нарушения допускаются только иностранцами и могут привести к непониманию или неправильному пониманию. Из этого следует, между прочим, что в педагогической практике они должны рассматриваться как наиболее грубые и беспощадно искореняться. К стилистике национального языка они прямого отношения не имеют.

2. Норму языка в более узком смысле слова составляет совокупность всех более или менее обычных реализаций тех возможностей, которые предоставляет система. «Второй тип норм — это нормы, определяемые структурой языка, нормы, накладывающие ограничения на возможности, предоставляемые системой. Эти нормы также являются обязательными, но отступление от них иногда не так очевидно, как нарушение норм первого типа: в тех случаях, когда говорящий употребляет форму или конструкцию, допускаемую системой языка, но отсутствующую в его структуре, он пользуется образованием, по крайней мере теоретически не противоречащим основным законам данного языка, он употребляет то, чего нет в языке, но что могло бы в нем быть»³.

Нарушения этой нормы чаще всего связаны с лексической сочетаемостью, которая, как известно, далеко не всегда поддает-

¹ Основы теории речевой деятельности. — С. 305.

² Ицкович В. А. Языковая норма. — М.: Просвещение, 1968. — С. 23—24.

³ Ицкович В. А. Цит. соч. — С. 27. В лингвистической литературе эту норму обычно называют просто нормой, без уточнений, или языковой нормой, противопоставляя ее, с одной стороны, системе, а с другой — литературной норме. См., например: Семенюк Н. Н. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. — М.: Наука, 1967.

¹ Ср.: Степанов Ю. С. Французская стилистика. — С. 11.

² Тарасов Е. Ф. Социальный символизм в речевом поведении // Общая и прикладная психолингвистика. — М.: Изд-во АН СССР, ин-т языкознания, 1973. — С. 37; см. также: Основы теории речевой деятельности. — С. 305—306.

ся рациональному объяснению. Почему нельзя сказать по-русски «иностранное плавание» или «заграничные языки?» С точки зрения системы такие сочетания возможны, однако «так не говорят». «Это правильно, но так не говорят!» — вот прекрасная формулировка противоречий между системой и нормой, — пишет Ю. С. Степанов, цитируя Марузо. — Система позволяет сказать больше, чем реализует норма. Норма ограничивает систему»¹.

По-французски говорят: *fureur extrême, indignation violente, désir ardent, vif regret, vive impatience, colère violente*, но не **fureur violente, *indignation ardente, *désir extrême, *regret extrême* и т. д. Говорят *livrer une bataille, dresser un obstacle, dresser une liste, former un projet, rédiger un rapport, intenter un procès, élever des protestations, ouvrir une campagne, écrire (composer) un livre* и т. п. Эти глаголы в данных сочетаниях выражают, в сущности, одну и ту же идею: «сделать так, чтобы X имел место»; однако они не взаимозаменяемы. **Donner une bataille* или **élever une campagne contre le racisme* — это по существу правильно, «но так не говорят».

Эту норму, как и первую, нарушают обычно не носители языка, а иностранцы. К ошибкам такого рода надо относиться, конечно, более снисходительно; однако бороться с ними гораздо труднее, чем с нарушениями нормы языка как системы. Эта норма интересует сопоставительную стилистику, но к стилистике I ни она сама, ни ее нарушения прямого отношения тоже не имеют.

3. Норму в еще более узком смысле составляет то, что французы обычно называют *le bon usage*, т. е. литературная норма. От предыдущей она отличается большей стабильностью, ограничением допускаемых вариантов, осознанностью, обработанностью², оценочным подходом с точки зрения образцовости — не образцовости³. «On appelle norme un système d'instructions définissant ce qui doit être choisi parmi les usages d'une langue donnée si l'on veut se conformer à un certain idéal esthétique ou socio-culturel»⁴.

В отличие от первых двух, литературная норма нарушается преимущественно носителями данного языка, а не иностранцами. В качестве примеров ее нарушения здесь можно было бы привести все упомянутые выше обороты и выражения, которые были охарактеризованы как просторечные, диалектальные или арготические. Реакция хранителей литературной нормы (учителей, редакторов,

¹ Степанов Ю. С. Французская стилистика. — С. 126. Иного взгляда на соотношение системы и нормы придерживается Р. А. Будагов: по его мнению, норма «шире системы» (см.: Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. — М.: Высш. школа, 1967. — С. 30).

² Семенов Н. Н. Норма // Общее языкознание (формы существования, функции, история языка). — М.: Наука, 1970.

³ Степанов Г. В. О двух аспектах понятия языковой нормы // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. — М.: Наука, 1966.

⁴ Dubois J., Giacomo M. et autres. Dictionnaire de linguistique. — P.: Larousse, 1973. — P. 342.

авторов справочников типа *Ne dites pas... mais dites* и т. п.) на эти нарушения может быть сформулирована следующими словами: «Так говорят, но это неправильно, так говорить не нужно».

Очевидно, что именно эта норма должна находиться в центре внимания стилистики языка. Именно она дает нам критерий нормативного и ненормативного, стилистически нейтрального и возвышенного, с одной стороны, и стилистически сниженного — с другой. Ей будет специально посвящен § 120.

4. Как в рамках литературной нормы, так и за ее пределами, функционируют жанровые нормы, определяемые всей совокупностью факторов, из которых складывается ситуация общения, т. е. в конечном счете ролевой структурой коммуникации. Об этом мы подробно говорили в главе I (§ 11—13) и в главе II (§ 26—27). Ясно, что эти жанровые нормы могут быть как более, так и менее обобщенными, действительными как для целых классов жанров (так называемых функциональных стилей), так и для отдельных жанровых разновидностей (образец искового заявления, доверенности и т. п.). С другой стороны, они имеют разную степень обязательности. Так, нормы административной и деловой речи достаточно жестки, особенно применительно к письменным текстам, а нормы, регулирующие неформальное общение (разговорную и литературно-художественную речь), допускают значительно большую свободу.

В дальнейшем, говоря о норме и нормативности, мы будем иметь в виду (за исключением специально оговоренных случаев) литературную норму.

§ 120. ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ

Очевидно, что речевая деятельность людей в целом не поддается жесткой регламентации. «Правильность» или «неправильность», соответствие или несоответствие литературной норме не могут быть определены раз и навсегда. Общеязыковая норма (норма № 2) отбирает стихийно какие-то возможности из тех, которые предоставляются системой; литературная норма отбирает более или менее осознанно какие-то варианты из тех, которые допускаются общеязыковой. На чем основывается отбор?

Лексикографы, авторы нормативных грамматик и справочников руководствуются в своей деятельности двумя основными критериями: 1) соответствием или несоответствием данного выражения системе, т. е. имеющимся в системе словообразовательным, словоизменительным, синтаксическим и прочим моделям; 2) степенью употребительности в данном языке этого выражения, т. е. узусом.

Однако чисто лингвистические соображения о соответствии или несоответствии данного речевого факта системе языка не являются вполне строгими, потому что система не дана нам в чистом виде, как непосредственно наблюдаемый объект, мы сами выводим

ее, как бы конструируем, из общеязыковой нормы, из того, что реально встречается в речи; иначе говоря, мы судим о том, что может быть в языке, опираясь на то, что есть в речи. Таким образом, критерий соответствия моделям сводится фактически к критерию употребительности; единственная разница здесь в том, что мы руководствуемся употребительностью не самого выражения, а модели, по которой оно образовано.

Но при этом наличие модели, по которой образованы другие выражения, признанные нормативными, еще не решает вопроса о признании нормативным данного выражения. Так, в современном французском языке *le métro, la radio, le stylo* — вполне нормативные стилистически нейтральные слова; *le métal* помечается в словарях как фамильярное, а *le labo, la compo, la géo, la philo* — слова школьного жаргона. Такие обороты, как *aller au coiffeur, au médecin*, считаются просторечными (надо говорить *aller chez le médecin, chez le coiffeur*), но *aller au ministre, à l'évêque* допускаются нормой.

Второй критерий отбора — употребительность, узус — в конечном счете оказывается решающим. Но и здесь неизбежны противоречия, которые нельзя разрешить на строго научной основе. Различные социальные и территориальные группы говорят по-разному. На чью речь следует ориентироваться?

Обычно в основе литературного языка лежит диалект той области, которая в эпоху формирования выступает как ведущая в политическом, экономическом и культурном отношении (во Франции — диалект Иль-де-Франс, в Испании — кастильский).

Что же касается социальных критериев, то тут берется за основу речевая практика господствующего класса в лице наиболее авторитетных и (или) образованных его представителей. Именно так определял норму («*bon usage*») известный французский грамматист XVII века Вожла: «*Bon usage, c'est la façon de parler de la plus saine partie de la cour, conformément à la façon d'écrire de la plus saine partie des auteurs du temps*»¹. В дальнейшем от такого откровенно классового подхода отказались. Сейчас практически во всех национальных культурах с богатой письменной традицией при фиксации литературной нормы ориентируются на речевую практику наиболее авторитетных носителей языка, каковыми являются в первую очередь признанные писатели, а также лингвисты.

Уже из этого следует, что литературная норма не может не быть в определенной мере произвольной и относительной². Так, скажем, французское выражение *dans le but de...*, осужденное и осуждаемое как неправильное и «вульгарное» одними весьма авторитетными людьми и инстанциями (Литтре, Анатоль

Франс, Французская Академия и др.), оправдывается и употребляется другими, не менее авторитетными (как указывает Гревисс, это выражение зафиксировано у Шатобриана, Флобера, Ренара, Монтерлана и др.¹).

Из всего сказанного следует и то, что литературная норма не может не быть исторически изменчивой. Так, если в XVI веке во Франции норма понималась настолько широко, что применимость самого понятия нормы к этой эпохе вызывает сомнение, то в XVII веке произошло резкое сужение нормы², откуда изгоняется множество «устаревших», «простонародных», «провинциальных» и «грубых» слов (*adolescent, banquet, émoi, soucieux, aviser, besogne, hurler, gonfler, sobriquet, taper, conception, gracher, seins* и многие другие). В XVIII веке начинается некоторое расширение нормы, главным образом за счет научной и политической терминологии. Этот процесс существенно углубляется и ускоряется в XIX веке в результате изменения социальной и политической структуры общества, развития науки и техники, распространения грамотности и т. д. Со своей стороны художественная литература, открывая для себя и для читателя новые сюжеты и новые общественные классы (мелкая буржуазия, пролетариат, крестьянство, деклассированные слои городской бедноты), открывает и вводит в письменный обиход народный язык, способствуя тем самым демократизации литературной нормы.

В XX веке к названным факторам присоединяются такие, как всеобщее обязательное обучение, всеобщая воинская повинность и средства массовой информации, в особенности радио и телевидение. Последние способствуют сближению литературной нормы и обиходной народной речи не только тем, что несут норму практически в каждую семью и тем «подтягивают» обиходную речь под литературно-нормативную. Для того чтобы установить контакт с публикой, радио и телевидение должны и сами в какой-то мере приспосабливаться к обиходной речи и тем способствовать демократизации нормы. В еще большей степени это свойственно языку коммерческой рекламы.

О демократизации литературной нормы наглядно свидетельствует «облагораживание» ранее ненормативных или фамильярных слов и оборотов. Такие, например, слова как *abasourdir, bopiment, camelot, chantage, mouchard*, которые в современных словарях не сопровождаются никакими стилистическими пометами и, следовательно, являются нормативными, стилистически нейтральными, сто лет назад считались просторечными или фамильярными; а многие из тех, которые сегодня считаются фамильярными, но вполне допустимыми (*embêter, embêtement,*

¹ *Vaugelas. Remarques sur la langue française.* — P.: Ed. Chassang, 1880. — I, — P. 13.

² Ср.: *Скребнев Ю. М.* Цит. соч. — С. 69.

¹ *Grévisse M. Le bon usage.* — P., 1946. — P. 701. Сам Гревисс считает его вполне соответствующим современной норме.

² См., например: *Будагов Р. А.* Литературные языки и языковые стили. — Гл. XII.

chiper, engueuler, enguirlander и др.) в те времена квалифицировались как вульгарные и даже арготические¹.

Надо отметить еще одну важную особенность современного состояния французской (и не только французской) литературной нормы: если раньше («вертикальное» членение языка на «bon usage» и «langue vulgaire» опиралось на социальную стратификацию общества, то в наше время «так называемое вертикальное членение все больше теряет свою первоначальную социальную окраску»². Как было сказано выше (см. § 17), стратификационная вариативность все больше уступает место ситуативной.

Все эти факторы приводят к тому, что граница между нормативным и ненормативным становится все более зыбкой, трудноуловимой; в современном языке это не столько граница, сколько достаточно широкая переходная зона. Однако норма не исчезает. Каждый носит в себе, так сказать, персональную модель нормы и соотносится с ней в своей речевой деятельности. Эти модели в чем-то расходятся, более или менее существенно, но в основном все-таки соответствуют друг другу, поскольку сам процесс общения, учет ожиданий адресата и его реакций приводят к постоянному «обмену моделями».

§ 121. ОБЩАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЖАНРОВЫХ ОКРАСОК

Теперь мы можем построить общую классификационную схему социально-жанровых окрасок, в основу которой ляжет оппозиция «нормативность — ненормативность». Мы возьмем за основу схему так называемых «уровней», или «ярусов», языка (niveaux de langue), предложенную Вине и Дарбельне³ и использованную в переработанном виде Ю. С. Степановым⁴. Главное отличие нашей схемы от ее прототипов заключается в следующем: как Вине и Дарбельне, так и Ю. С. Степанов имеют в виду *классы речевых жанров*, т. е. нейтральную речь, фамильярную речь, книжную речь и т. д.; мы же будем иметь в виду *абстрактные совокупности языковых единиц, имеющих одинаковую социально-жанровую окраску*. Выше, в главах I и II (§ 19—20 и 26—27), было показано, что это разные уровни обобщения: из того, что слово употребляется, допустим, в книжной речи, еще не следует, что социально-жанровый компонент его языкового стилистического значения может быть определен

¹ См., например: Hatzfeld A., Darmesteter A. Dictionnaire général de la langue française.— P.: Delagrave, s. d.

² Ризель Э. Т. Нарушение нормы — стилистическое средство — изменение нормы? // Лингвистика и методика в высшей школе.— М.: МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 1970.— Вып. 5.— С. 75.

³ V.: Vinay J.-P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais.— P.: Didier, 1958.

⁴ См.: Степанов Ю. С. Французская стилистика.

как книжный; с другой стороны, языковое, потенциальное стилистическое значение слова еще не предрешает его употребления — книжное слово может быть употреблено и в разговорной речи.

Итак, наша таблица предназначена для классификации единиц языка по социально-жанровому компоненту их языкового стилистического значения¹. Она применима не только к лексическим единицам, но и к грамматическим формам, синтаксическим конструкциям, а также регулярно встречающимся звуковым реализациям слов и отдельных фонем.

Таблица 5

Нормативные (н)	возвышенные	
	книжные	специализированные (административные, научные и т. п.)
	нейтральные	
	фамильярные	
Ненормативные (н)	просторечные	диалектальные и прочие специализированные
	арготические	жаргонные

Исходное членение отражено в крайнем левом столбце таблицы. Оно применимо к любым единицам языка, выделяющимся на уровне общеязыковой нормы (нормы № 2). Это значит, что любая регулярно воспроизводимая в речи реализация системы — слово, грамматическая форма, синтаксическая конструкция, то или иное произношение слова или фонемы — может быть определена в первую очередь как соответствующая или не соответствующая литературной норме. Так, например, мы определим как нормативные такие временные формы, как imparfait, passé composé и passé simple в их «правильных» реализациях, существительное le chien, глагол décrocher, прилагательное spirituel в его «правильной» фонетической реализации [spirityel], а также «нормальное», наиболее распространенное произношение носовых (или любых других) гласных. Мы определим как ненормативные

¹ Предлагаемая здесь классификация социально-жанровых окрасок сходна с аналогичными классификациями, принятыми в англистике и в германистике (см.: Хомяков В. А. Введение в изучение сленга — основного компонента английского просторечия.— Вологда: Изд-во Вологодского гос. пед. ин-та, 1971.— Гл. I; Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik.— М.: Hochschule, 1975, 3 Kapitel; Скрбнев Ю. М. Цит. соч.— С. 101).

такие факты языка, как образование *passé composé* местоименных глаголов с вспомогательным глаголом *avoir* (*je m'ai sauvé*), существительное *le clébard* (*argot 'chien'*), глагол *crever* (о человеке), существительное *la gégé*, произносительный вариант [*εspirityε*], а также произношение носовых гласных с заднеязычной смычкой.

Далее, стилистическое значение некоторых (но не всех!) фактов языка, определенное нами как нормативное или ненормативное, может быть уточнено путем отнесения к тому или иному «ярусу», на которые разделена вторая колонка таблицы.

Так, например, *passé composé* должно квалифицироваться как нейтральная форма, а *passé simple* — как книжная; *le chien* — как стилистически нейтральное слово, а *décéder* и *spirituel* (в значении 'умственный', 'духовный') — как книжные. Что же касается *imparfait*, то его стилистическое значение такому уточнению не поддается. Конечно, его можно квалифицировать и как нейтральную форму, но лучше сохранить это обозначение для тех форм, которые, как *passé composé*, имеют синонимы в других ярусах. Из ненормативных *le clébard* попадает в самую нижнюю клетку, т. е. будет отнесено к арготизмам; *crever* (о человеке) мы определим как просторечное слово; *la gégé* мы пока условно отнесем к арго, а произношение носовых с заднеязычной смычкой — к просторечию. Что касается *passé composé* местоименных глаголов с *avoir* и произносительного варианта [*εspirityε*], то их стилистическое значение нет необходимости уточнять — сохраним за ними обозначение «ненормативные». Однако не будет ошибкой их тоже расценивать как просторечные, но в несколько более широком смысле слова, поскольку всякая ненормативность есть просторечность, и арго — часть просторечия. Вообще границы между отдельными ярусами бывает еще труднее провести, чем границу между нормой и просторечием (в широком смысле слова)¹.

В некоторых случаях возможно и дальнейшее уточнение социально-жанровой окраски — для этого предусмотрены горизонтальные продолжения некоторых ярусов в правой части таблицы. Так, *décéder* мы определим не только как книжное, но и как «административное» или «официальное» слово; произношение носовых с заднеязычной смычкой — как диалектальное, в частности южное, а *la gégé* — как слово школьного жаргона.

Как уже было отмечено в главе III (§ 38, 39, 41), наиболее дифференцированными стилистическими значениями обладают лексические единицы, — средняя и в особенности правая часть таблицы предназначаются в первую очередь для них. В отли-

¹ «Вероятно, здесь предпочтительны не поиски точных границ между отдельными классами, а попытки создания априорной (хотя и основывающейся на очевидных языковых фактах) схемы — ориентировочной шкалы эстетических значимостей — шкалы, где градации приблизительны, а границы между отдельными классами размыты». (Скребнев Ю. М. Цит. соч. — С. 101).

чие от лексики, большинство фактов грамматики, как морфологии, так и синтаксиса, может быть охарактеризовано с помощью исходного членения.

§ 122. НОРМАТИВНОСТЬ — НЕНОРМАТИВНОСТЬ В МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСЕ

Этот вопрос уже был освещен нами в главе V, но в несколько ином аспекте: не от стилистического значения к формам, а от форм к стилистическому значению. Поэтому здесь будет достаточно перегруппировать и резюмировать сказанное, т. е., практически, напомнить уже названные наиболее употребительные формы, которые в современном французском языке рассматриваются как ненормативные. При этом мы не будем говорить здесь о словообразовательных моделях — за исключением нескольких типично арготических суффиксальных образований, ни одной из них не может быть приписано постоянное и неизменное стилистическое значение (см. выше, § 81); последнее выступает как характеристика слова, а не модели.

Итак, к важнейшим ненормативным явлениям во французской грамматике относятся следующие:

1. Изменение грамматического рода некоторых существительных — в просторечии *âge*, *air*, *appel*, *hôtel*, *incendie*, *orage*, *ouvrage*, *usage* и некоторые другие существительные, начинающиеся с гласного звука, употребляются как слова женского рода.

Сюда же относятся случаи перехода в мужской род некоторых существительных, обозначающих лица, если денотат — лицо мужского пола: *un espèce de vaurien*, *cet homme est un andouille*.

2. Изменение формы женского рода некоторых существительных и прилагательных по сравнению с нормой: *la témouine*, *maline*; *vif*, *sec*.

3. Унификация форм единственного и множественного числа существительных на *-al*: *le cheveu*, *l'hôpital* или *les cheveux*, *les hôpitals*.

4. Употребление артикля при именах собственных, помимо случаев, предусмотренных нормой: *le Pierre*, *la Dupont*.

5. Выравнивание парадигм некоторых глаголов: *je vas*, *j'avons*, *elle se décolte*, *je voirai*.

6. Спряжение местоименных и непереходных глаголов типа *aller*, *venir*, *partir* и т. д. с глаголом *avoir*: *Le Noir s'a déferré*; *Il a rentré ce matin*.

7. Регулярное опущение первого компонента приглагольного отрицания: *T'en fais pas*; *Hésitez pas*, *les gars!* Правда, это явление может быть расценено и как фамильярное, относящееся к нижней половине фамильярного яруса, непосредственно граничащей с просторечием.

8. Регулярное опущение безличного *il* в оборотах типа *il faut*, *il vaut mieux*, а также *il y a*: *Faut pas te sauver*: у

a rien à dire. Оговорка, сделанная по поводу предыдущего случая, действительна и в применении к этому.

9. Модели вопросительного предложения: а) с вопросительной частицей *ti*: *Vous partez-ti ce soir?*; б) с вопросительными компонентами *que* и *c'est que*: *Quand que (c'est que) vous partez?*; в) с вопросительными местоимениями в инициальной позиции без инверсии подлежащего: *Quand vous partez?*

10. Употребление относительного местоимения *que* в функции *qui*:

C'est vous qu'avez tué mon père. (Maupassant)

11. Употребление относительного местоимения *que* в функции других относительных местоимений, в частности *dont*:

Avec quoi qu'il paierait pas ses impôts, le patron, s'il ne tenait pas compte de tous vos dollars que vous ne savez pas quoi en faire? (Queneau)

12. Конструкция CSV (прямое дополнение — подлежащее — сказуемое): *Ça, j'ai bien distingué; Deux mois, ça fait*. Это явление, впрочем, может рассматриваться и как фамильярное.

Мы не включаем в этот список (который, впрочем, не претендует на полноту¹) характерные явления эмоционального и спонтанного синтаксиса, описанные в главах VI и VII. Хотя расчленение грамматической структуры предложения под воздействием эмоции или «перестройки на ходу», типичные для спонтанной речи, тоже формально нарушают норму, характер этих нарушений иной, они несут иную информацию о субъекте речи и условиях общения. Если употребление просторечных форм свидетельствует о том, что говорящий не владеет или недостаточно владеет литературной нормой, т. е. отражает его групповую принадлежность и (или) образовательный уровень, то явления эмоционального и спонтанного синтаксиса сигнализируют о его состоянии в момент речи и об условиях порождения. В известной мере они могут рассматриваться как фамильярные, но не как просторечные (что, впрочем, отнюдь не исключает их возникновения в речи людей, не владеющих литературной нормой). В пользу такой трактовки этих явлений свидетельствует и то, что модели эмоционального синтаксиса широко используются в художественной речи, в частности в поэзии (§ 99).

§ 123. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ, РАЗЛИЧАЮЩИЕСЯ СОЦИАЛЬНО-ЖАНРОВОЙ ОКРАСКОЙ

В своей «Французской стилистике» Ю. С. Степанов излагает этот материал с помощью таблицы, в которой представлены ряды «разностилевых», по его выражению, синонимов². После-

¹ Подробный обзор грамматики просторечия см.: *Vauche H.* Op. cit.

² *Степанов Ю. С.* Французская стилистика. — С. 227—233.

дую его примеру и тоже составим таблицу (правда, гораздо более скромную по количеству синонимических рядов), столбцы которой будут соответствовать выделенным нами ярусам шкалы нормативности — ненормативности. Некоторые из синонимических рядов совпадают с теми, которые приведены у Ю. С. Степанова; однако как набор членов, так и распределение их по ярусам несколько изменены. Мы включили в таблицу главным образом глаголы, несколько существительных и одно прилагательное. Имена даются в конце таблицы.

При составлении таких таблиц самое трудное — это распределить синонимы между тремя правыми колонками, соответствующими трем нижним ярусам вертикальной шкалы. Дело в том, что практически все слова из второй справа колонки нашей таблицы и половина слов из третьей фигурируют в словарях арго и лет 40—50 назад расценивались как безусловные арготизмы. Если сравнить словарь просторечия, включенный Бошем в его книгу «*Le langage populaire*», и какой-нибудь словарь арго, например, *G. Sandry et M. Carrère. Dictionnaire de l'argot moderne, 6e édition. P., s. d.*, то окажется, что они в значительной степени перекрывают друг друга¹. В то же время многие слова из того и другого даются в самых современных словарях общего типа с пометой «фамильярные»². Этим объясняются прочерки в крайней правой колонке таблицы: в нее были включены только те слова, которые либо помечены как арготические в словаре Робера, либо вовсе не включены в этот словарь и другие словари общего типа.

Общая причина этого явления — относительность и подвижность нормы (см. § 120). Она приводит к тому, что в синхронном плане, т. е. применительно к какой-то определенной эпохе, точно разграничить фамильярные, просторечные и арготические слова и выражения чрезвычайно трудно, за исключением тех случаев, когда арготизмы обозначают какие-то специфические для арго понятия, которые не имеют синонимов в общераспространенном языке.

Сходные отношения обнаруживаются между словами двух верхних ярусов (двух крайних левых колонок в таблице): разграничить «возвышенные» и книжные далеко не всегда легко, за исключением тех случаев, когда книжное слово имеет терминологический характер.

Таким образом, наряду с исходным членением шкалы (нормативные — ненормативные) намечается другое, более крупное, чем членение на ярусы, и фактически совпадающее с традиционным, идущим еще от античной риторики членением на три стиля: высокий, средний и низкий. В отличие от исходного членения, которое базируется на отношении единицы языка к ли-

¹ Ср.: *Guiraud P.* L'argot // Coll. *Que sais-je?* — P.: PUF, 1958. — P. 35.

² *Степанов Ю. С.* Французская стилистика. — С. 223—226.

возвышенные	книжные	нейтральные
—	se livrer à la boisson	boire
—	entendre	comprendre, saisir
—	devancer	dépasser, surpasser
—	importuner	ennuyer
—	simuler (<i>vt</i>), feindre de	jouer (<i>vt</i>), faire semblant de, jouer la comédie
—	consommer	manger
—	s'exprimer	parler
œuvrer	besogner	travailler
—	dérober	voler (qch)
—	fonds <i>m pl</i>	argent <i>m</i>
пécune <i>f</i>	—	discours <i>m</i>
harangue <i>f</i> ,	—	—
oraison <i>f</i>	—	—
compagne <i>f</i>	épouse <i>f</i> , conjointe <i>f</i>	femme <i>f</i>
—	—	—
alliance <i>f</i> ,	époux <i>m</i> , conjoint <i>m</i>	mari <i>m</i>
Нyménée <i>m</i>	—	mariage <i>m</i>
—	pénitencier <i>m</i>	prison <i>f</i>
—	crédule	naïf, niais
—	taule <i>f</i>	cage <i>f</i>
—	—	—
бloc <i>m</i>	—	—
jobard <i>m</i>	—	—
poire <i>f</i>	—	—
gobeur <i>m</i>	—	—
dément	cave <i>m</i>	cabestron <i>m</i>
—	aliéné	fou

тературной норме и, следовательно, соотносится в первую очередь с социально-групповой составляющей стиля (стратификационной вариативностью), это членение соотносится с ролевой составляющей стилистической информации (ситуативной вариативностью); иначе говоря, выбор в речи «высокого» (например, *importuner*), «среднего» (*ennuyer*) или «низкого» (*embêter*) слова может зависеть не от культурного уровня субъекта речи, а от той роли, которую он играет в процессе коммуникации, и диктуемого ролью отношения к адресату речи.

§ 124. НЕЙТРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И ЛЕКСИКА НИЖЕЛЕЖАЩИХ ЯРУСОВ

Как видно из таблицы, лексика нейтрального яруса представляет собой набор идентифицирующих слов (см. § 34). Это основной словарный фонд языка. Нетрудно заметить также (это, впрочем, вытекает и из определения идентифицирующего слова), что слова этого яруса, как правило, лишены эмоциональной окраски.

фамильярные	просторечные	арготические
biberonner, lever le coude	picoler, pinter	se pionner pictancher, pictonner entrâver
piger enfoncez raser, embêter, enquiquiner	— faire la pige à bassiner, emmerder les casser, emmouscailler	—
faire la frime	—	battre
croûter	bouffer, becqueter	claper
—	causer, jacter	—
bûcher, boulonner	trimer, bosser, turbiner	—
chiper, barboter, faucher, choper	lever, piquer, calotter	chouraver
pépètes <i>f pl</i> ,	—	—
galette <i>f</i>	fric <i>m</i> , oseille <i>f</i> , po- gnon <i>m</i> , braise <i>f</i> ,	carbure <i>m</i>
topo <i>m</i> , laïus <i>m</i> ,	bla-bla-bla <i>m</i>	—
baratin <i>m</i>	—	—
—	bourgeoise <i>f</i> , légitime <i>f</i> ,	—
—	panthère <i>f</i>	—
—	homme <i>m</i>	—
—	conjungo <i>m</i> , marida <i>m</i>	—
détraqué, piqué, toqué, loufoque, dingue, dingo	cinglé, maboul	jobard
бloc <i>m</i>	—	—
jobard <i>m</i> , poire <i>f</i> , go- beur <i>m</i>	taule <i>f</i> cave <i>m</i>	case <i>f</i> cabestron <i>m</i>

С точки зрения использования их в речи стилистически нейтральные слова определяются как слова, которые могут быть употреблены практически в любой ситуации общения, за исключением ритуализованных текстов, а также тех случаев, когда речь идет о «социально опасных» понятиях¹. Сами по себе нейтральные слова прямо не сигнализируют жанр (социальную роль субъекта речи) и не отражают какого-либо отношения к адресату и к предмету речи. Из этого следует, что их стилистическая сочетаемость почти не ограничена. В любой, как явно арготической, так и возвышенно поэтической речи, всегда обнаруживается существенная доля нейтральных слов²; она становится преобладающей в умеренно окрашенной речи — обиходной, фамильярной и книжной.

¹ «Бывает опасно бросить кому-либо в лицо *Menteur!* «Лжец!» — приходится сказать: *Ce que vous avancez là n'est pas tout à fait exact...*, и даже слово *contre-vérité* 'несоответствие истине', ханжество, достойное Тартюфа, часто кажется слишком резким» (*Балли Ш.* Французская стилистика. — С. 341).

² Как указывает П. Гиро, слишком большая концентрация арготизмов в тексте заставляет сомневаться в его подлинности (см.: *Guiraud P. L'argot.* — P. 29).

В отличие от нейтральной лексики, лексика фамильярная и арготическая (целиком), а также просторечная (в значительной своей части) соответствует в первую очередь таким ситуациям общения, для которых характерно ослабление социального контракта за речевой деятельностью. Это бывает в тех речевых жанрах, нормы которых жестко не фиксируются, где отношения между коммуникантами являются не строго ролевыми, а личностными (хотя бы и в рамках ролей), а главное — где субъект речи рассматривает адресата как равного или низшего по социальному и (или) психологическому статусу и при этом как «своего», т. е. как человека, с которым «нечего церемониться». Речь, которая характеризуется этими социально-психологическими параметрами, называют фамильярной: «On dit qu'un style, une langue, un mot sont familiers quand leur emploi implique un degré d'intimité entre les interlocuteurs et conjointement un refus de rapports cérémonieux qu'exige la langue soutenue ou académique»¹.

Поскольку указанные свойства фамильярной речи в общем всем известны (хотя бы по собственному опыту), здесь достаточно будет привести всего два примера:

В качестве первого мы используем несколько коротких выдержек из диалога персонажей пьесы М. Ашара «Patate». Собеседники — пожилые, более или менее образованные люди, бывшие школьные товарищи.

Rollo.— [...] Assieds-toi!

Garradine.— C'est que je suis assez pressé.

Rollo.— Dis que tu t'embêtes, mais ne me raconte pas que tu es pressé.

Garradine.— Je t'assure.

Rollo.— [...] Pendant vingt ans d'amitié, tu n'es pas venu me voir une seule fois. Pour que tu t'y sois décidé aujourd'hui, fallait vraiment que tu n'aies rien à foutre. Assieds-toi. [...]

Rollo.— Pendant que nous nous énervions sur Jérôme, elle n'en faisait qu'à sa tête... Avec un vieux schnok dans mon genre. Très bête. Très riche. Et très cochon. [...]

Rollo.— Tu te rappelles bien l'histoire des boules puantes?

Garradine.— Assez bien.

Rollo.— J'en avais jeté six dans la bagnole du professeur de math. [...]

Rollo.— Quand nous suivions des filles à la sortie du lycée, tu me laissais toujours la plus moche.

Первое, что здесь нужно отметить, это решительное преобладание нейтральной лексики над всякой другой — это несмотря на то, что мы специально выбрали куски, содержащие стилистически сниженные выражения.

¹ Dubois J., Giacome M. et autres. Op. cit.— С. 206.

Эти выражения принадлежат к разным ярусам нашей шкалы: s'embêter и moche оцениваются словарями как фамильярные; foutre и bagnole — как просторечные, причем foutre рассматривается также как «грубое», «вульгарное»; math — слово школьного жаргона, а schnok (≅ 'imbécile') — явно арготическое.

Помимо этого, слегка фамильярными надо, видимо, считать gasconter в значении 'dire' и n'en faire qu'à sa tête. В целом же этот диалог должен оцениваться как фамильярный, из чего следует, что фамильярность как свойство речи (сообщения) создается употреблением не только фамильярной, но и любой стилистически сниженной лексики.

Второй пример наглядно показывает социально-психологическую значимость фамильярной речи. Два молодых человека встречаются и знакомятся в плавательном бассейне. Одежда, как известно, сигнализирует групповую принадлежность, социальный ранг человека — об этом мы подробно говорили в начале главы I. Специфические условия плавательного бассейна и относительное равенство в возрасте способствует тому, что между этими людьми сразу же устанавливаются непринужденные товарищеские отношения:

Ils ont eu tout de suite cette camaraderie que donne le même effort partagé, la compétition. Ils s'asseyent un moment sur le bord du balcon, les jambes pendantes [...].

Quand Riquet a revu son nouvel ami habillé, lui qui avait son vieux pantalon rayé, tout esquiné, et une veste bleue, la casquette, il a fait entendre un sifflement. Désappointé. «Moi qui t'offrais... qui vous offrais à boire!» [...] Il reparle de la nage. De cette nage turque... non: grecque, que monsieur m'a montrée... «Ah! bien, Riquet, si tu m'appelles monsieur parce qu'on s'est fringué... tu ne me tutoies déjà plus...» Fringué est clairement un mot dit pour se mettre à la portée de Riquet. Celui-ci le sent. Il dit que ce n'est pas parce qu'on s'est rhabillé, et il souligne de la voix le rhabillé, qu'il dit monsieur à Roger. (Aragon)

Для молодого рабочего его новый приятель, когда он узнает в нем «буржуа», становится если не высшим, то во всяком случае чужим. И такое изменение отношений сразу отражается в его речи. Что же касается другого партнера, то для него ничего не изменилось, и он продолжает говорить в том же фамильярном тоне, в каком они говорили до сих пор. Особенно характерно здесь подчеркнутое автором употребление синонимов: просторечного se fringuer в речи буржуа и нейтрально-литературного se rhabiller в речи рабочего. Выбор слова отражает здесь не социальное положение собеседников, а отношение того и другого к партнеру, включая и стремление приспособиться к лексикону собеседника (se mettre à sa portée, как сказано в тексте) — об этом см. выше, § 17.

§ 125. ФАМИЛЬЯРНОСТЬ И ПРОСТОРЕЧНОСТЬ
В ПЛАНЕ СТРАТИФИКАЦИОННОЙ
И СИТУАТИВНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Итак, в отличие от нейтральной лексики, лексика всех трех нижних ярусов может быть расценена как фамильярная (в широком, социально-психологическом смысле этого слова), поскольку, с точки зрения носителя нормы, она характерна для фамильярной речи.

С этой точки зрения просторечие и арго отличаются от собственно фамильярного яруса лишь большей фамильярностью. Возможность сказать партнеру *Je me casse* (арго \cong «Я сматываюсь») предполагает меньшую социально-психологическую дистанцию между партнерами, чем *Je me sauve* (фам. «Я удираю»). Это особенно явственно проявляется при употреблении оценочных слов, обращенных к собеседнику: *Tu me les casses* (прост.) существенно фамильярнее, чем *Tu m'embêtes* (fam.). В последнем случае употребление более фамильярного слова, как правило, соответствует и более сильной эмоции. В принципе слово *ordure* в применении к человеку — очень грубое, почти арготическое ругательство¹. Но вот пример, в котором его употребляет вполне порядочная женщина:

Une fille qui a voulu me prendre mon mari...

C'est une ordure, ta pauvre fille! (Marceau)

Но степень фамильярности — это только одна сторона дела, соответствующая стратификационной вариативности. Другой критерий, по которому разграничивают фамильярную лексику, просторечие и арготизмы, — это критерий социально-групповой, отражающийся в стратификационной вариативности. Фамильярная лексика — лексика разрешенная, т. е. практически употребительная во всех слоях общества; она входит в литературную норму, составляя самый нижний ее ярус. Фамильярное слово — это такое слово, которое интеллигентный человек может позволить себе употребить, в общем не дискредитируя себя и не рискуя подвергнуться осуждению лиц своего круга.

В отличие от фамильярной лексики, просторечный словарь, вообще просторечие — это совокупность таких языковых реализаций, которые считаются типичными для необразованной или недостаточно образованной части общества и, в той мере, в какой они не совпадают с речевым узусом образованных людей, рассматриваются как нарушающие литературную норму. И здесь обнаруживается любопытное явление. Если в речи носителя литературной нормы просторечный элемент — сигнал фамильярного стиля, то в речи человека, не владеющего литературной нормой, то же самое слово может вовсе не иметь такого контекстуального стилистического значения. Приведем два коротких примера. В первом преуспевающий парижский буржуа, вла-

делец виллы в пригороде, встречается на вокзале Сен-Лазар со своей женой; во втором человек без определенного места жительства, сезонный рабочий лет 45—50, разговаривает с незнакомой крестьянкой на проселочной дороге где-то в предгорьях Альп.

1. «*Tu m'as fait peur, chéri. Nous allons être obligés de courir.*

— *Un boulot de fou, chou, je t'expliquerai. Micheline?*

— *La fièvre est tombée...»*

(Fallet)

2. «*Vous allez peut-être me donner un renseignement?*

— *Pourquoi pas, si je peux?*

— *Il n'y a pas de boulot pour un type comme moi par ici?»*

(Giono)

В первом примере *un boulot de fou* — явление ситуативной вариативности, сигнал фамильярного стиля. Очевидно, что субъект может говорить «правильно» и в данной ситуации, говоря «неправильно», вполне сознает это и предполагает, что адресат это тоже сознает. Во втором же *boulot* и *type* — факты стратификационной вариативности. Для говорящего эти слова, конечно, не единственные, но самые обычные, по существу нормативные способы выразить данные понятия. Характерно, что разговор, в котором они употреблены, вряд ли может быть оценен как фамильярный — об этом свидетельствует и ситуация общения, и контекст.

В этом отношении весьма показателен также пример, который М. де Торо приводит в своем предисловии к «*Dictionnaire des difficultés de la langue française*» Адольфа Тома: «*Et j'ai moi-même entendu naguère une dame tancer un petit garçon en lui disant: «Je veux que chez moi on cause correctement!»¹*

Causer — просторечный синоним *parler*; ясно, что требуя от сына, чтобы тот говорил правильно, мать не станет употреблять фамильярных словечек; очевидно, с ее точки зрения, *causer* в этом значении — вполне «правильное» слово.

Таким образом, языковое (потенциальное) стилистическое значение большинства слов и выражений, расцениваемых словарями как просторечные, имеет двойственный характер: с одной стороны, в плане ситуативной вариативности, они фамильярны — реализуясь в речи людей, владеющих литературной нормой, они свидетельствуют об определенном отношении к адресату; с другой стороны, в плане стратификационной вариативности, они просторечны — реализуясь в речи людей, для которых эти выражения более обычны, чем литературно-нормативные, они характеризуют субъекта речи как члена определенной социальной и (или) территориальной группы.

¹ «*Ordure. Insulte exécutable*» — *Sandry G., Garrère M. Dictionnaire de l'argot moderne.* — P. 144.

¹ *Dictionnaire des difficultés de la langue française / Par Adolphe V. Thomas.* — P.: Larousse, 1956. — P. VI.

Эта двойственность стилистического значения типична именно для просторечной лексики — элементы других уровней языка, оцениваемые как ненормативные (в частности, факты ненормативной грамматики, о которых шла речь в § 122), в речи людей, владеющих литературной нормой, практически не встречаются и, следовательно, принадлежат к явлениям стратификационной вариативности.

Последнее характерно и для разнообразных лексических «неправильностей» — фактов ненормативного произношения (*esquelette, cintième étage* и т. п. — см. § 83)¹, а также употребления слов и фразеологизмов в несвойственных им значениях. Пример такого употребления был приведен в § 83: *...Napoléon avait la possibilité de dicter plusieurs lettres à la fois; c'était un dictateur.* Еще один аналогичный пример: *Un automobiliste écrit à une compagnie d'assurance: «...Je suis entré en collation avec un arbre...»* (имелось в виду, несомненно, *entrer en collision* ('heurter'); *collation* — легкий завтрак).

§ 126. ПРОСТОРЕЧИЕ И АРГО

Арго — чрезвычайно интересное и сложное явление, которое может и должно изучаться как социальными психологами, так и лингвистами. Подробное рассмотрение основных проблем, связанных с арго, не может быть осуществлено в рамках настоящего пособия и не входит в наши задачи².

Арго представляет собой, с одной стороны, «ветвь» (по выражению Гиро³) или, точнее, пласт просторечного словаря, а с другой — социальный диалект деклассированных элементов, т. е. людей, занимающихся деятельностью если не противозаконной, то, во всяком случае, не санкционируемой обществом. *«L'argot... est la langue spéciale de la pègre, c'est-à-dire l'ensemble des mots propres aux truands et aux malfaiteurs, créés par eux et employés par eux à l'exclusion des autres groupes sociaux qui les ignorent ou ne les utilisent pas en dehors de circonstances exceptionnelles»*⁴.

Это определение, точнее, его последняя часть, не может быть полностью приложено к современному арго, поскольку, начиная со второй половины XIX века, арго как более или менее замкнутый социальный диалект перестает существовать, все более и

¹ В русском языке к неправильностям такого рода (трамба, ндрав и т. д.) добавляются многочисленные случаи неправильной постановки ударения (дóцент, звóнишь).

² О французском арго см. в первую очередь: *Guiraud P.* L'argot, а также: *Dauzat A.* Les argots. — P., 1929. Словари арго: *Sandry G. et Carrère M.* Dictionnaire de l'argot moderne; *Simonin A.* Le petit Simonin illustré. — P., 1957; *Lacassagne J. et Devaux P.* L'argot du milieu. — P., 1948 (Dictionnaire argot-français et français-argot); *Esnault G.* Dictionnaire historique des argots français. — P., 1965; см. также: *Cardec F.* Dictionnaire du français argotique et populaire. — P., Larousse, s. d.

³ *Guiraud P.* L'argot. — P. 31.

⁴ Там же. — С. 7.

более смешиваясь с просторечием. Кроме того, арго — не язык в полном смысле этого слова, а лишь *особый словарь*: грамматика арго — это общенациональная грамматика в ее просторечном варианте, а фонетика, за исключением некоторых интонационных особенностей, тоже в общем совпадает с общенациональной фонетикой, точнее, с ее фамильярными реализациями (см. § 83).

Арготический словарь ограничен по своему составу — далеко не каждое слово нейтрального яруса имеет арготический синоним. (Это относится, впрочем, и к просторечию).

В современном арго выделяются, как отмечает Гиро, два основных лексических пласта: 1) терминологическая лексика, обозначающая специфические понятия, связанные с профессиональной деятельностью носителей арго (воровство, мошенничество, нищенство, проституция и т. п.) и «профессиональным риском» (тюрьма, полиция, суд); 2) эмоциональная и эмоционально-оценочная лексика, обозначающая в основном те понятия, которые сами по себе вызывают какую-то эмоциональную реакцию (см. выше, § 105). Очевидно, что эти два пласта частично совпадают; в частности, все, что связано с профессиональным риском, входит одновременно и в разряд «эмоциогенных» понятий.

Помимо этого, арго располагает особыми кодами, которые позволяют изменить звуковой облик общепринятого или арготического слова. Так, например, существует код, заимствованный из профессионального жаргона мясников и известный под названием *loucherbet*. Он состоит в том, что начальный согласный переходит в конец слова, где к нему прибавляется формант **-em**; в начале же слова, вместо согласного, передвинутого в конец, возникает **l**: *loucherbet* < *boucher*¹.

Как особый профессионально-терминологический словарь арго представляет собой социальный диалект или совокупность профессиональных (профессионально-корпоративных) жаргонов²; как пласт эмоциональной и эмоционально-оценочной лексики арго входит в просторечие на правах его фамильярного яруса и через просторечие включается в стилистическую систему национального языка. В самом деле, наиболее распространенная, не узко специализированная арготическая лексика относится к просторечной так, как фамильярная лексика (т. е. лексика фамильярного яруса) относится к нейтральной. Примеры такой лексики приведены в таблице. Именно такие слова и выражения в первую очередь широко распространяются за пределы того

¹ *Guiraud P.* L'argot. — P. 67—70; см. также: *Степанов Ю. С.* Французская стилистика. — С. 246.

² Жаргон определяется как «язык, состоящий из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяемый (обычно в устном общении) отдельной социальной группой с целью языкового обособления, отделения от остальной части данной языковой общности, иногда в криптологических целях» (т. е. в целях засекречивания) — *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. — С. 148.

круга, в котором они возникли, теряют арготическую окраску и переходят в разряд просторечных, а затем и фамильярных.

Наряду с «общим» арго и отчасти внутри него во французском языке выделяются специализированные жаргоны, профессиональные и групповые (корпоративные). В словаре Сандри и Каррера фигурируют такие жаргоны («argots complémentaires»), как биржевой, авиационный, тюремный, театральный, военный, школьный; жаргон бродяг (clochards), велогонщиков, наркоманов, художников и т. д. Большинство из них насчитывает всего несколько десятков слов и выражений. В таблице 5 специализированные жаргоны условно помещены несколько выше арготического яруса, поскольку разные жаргоны имеют разный социальный престиж, соответствующий престижу группы, а внутри некоторых из них обнаруживаются слова, так сказать, более или менее жаргонные, более или менее распространенные и узаконенные. Ясно, например, что слова школьного жаргона воспринимаются как стилистически менее сниженные, чем тюремного (некоторые слова школьного, а также военного жаргона приведены в § 81).

И арго, и жаргоны наглядно демонстрируют символическую функцию речи (см. § 3), выступая как средство осознания и символизации группой общности. Жаргон — это своего рода пароль, по которому узнают «своего»¹. Недаром в былые времена владение воровским жаргоном обеспечивало человеку почет и уважение в воровской среде.

§ 127. ТЕНДЕНЦИЯ К ЭКСПРЕССИВНОСТИ КАК СВОЙСТВО ФАМИЛЬЯРНОЙ РЕЧИ, ПРОСТОРЕЧИЯ И АРГО

Это свойство отмечают практически все исследователи, пишущие об арго, просторечии, сленге (английский эквивалент просторечия)². Его нередко объясняют особенностями мышления рядового носителя языка, «человека из народа»: народному мышлению, мол, чужда всякая абстракция, оно конкретно, субъективно, ограничено и т. д.³ Выше, в § 63, мы говорили о тенденции к повышению экспрессивности знака как общем явлении, связывая его с потребностью выразить в речи личностное начало. Далее (§ 101) эта тенденция («стремление к образности») рассматривалась как свойство эмоциональной речи. Нетрудно заметить, что и личностный характер общения, и эмоциональность — неотъемлемые свойства фамильярной речи в широком смысле этого термина (см. § 124). Именно в этом заключается основная

¹ Ср.: Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. — Л.: Гослитиздат, 1936. — С. 119.

² См., например: Балли Ш. Французская стилистика. — § 273, 279; Marouzeau J. Aspects du français. — P. 34-35; Guiraud, P. L'argot. — P. 42-43, 84-86; Хомяков В. А. Цит. соч. — С. 36-39 (там же многочисленные выдержки из работ английских и американских лингвистов).

³ Балли Ш. Французская стилистика; Marouzeau J. Aspects du français; Guiraud P. L'argot.

причина обилия образных слов и фразеологизмов во всех трех нижних ярусах нашей шкалы.

Из слов, фигурирующих в трех правых столбцах таблицы 6, примерно половина сохраняют остаточную образность. С другой стороны, в списке образных (семантически мотивированных) слов и фразеологизмов, приведенных в § 50, две трети выражений являются фамильярными или просторечными. Приведем еще один небольшой список фамильярных, просторечных и арготических слов и выражений:

armoire à sons — piano
avoir de la matière grise — être intelligent
avoir la casquette en peau de fesses — être chauve
avoir les crayons mal attachés — avoir les jambes faibles
avoir qn dans la peau — être amoureux
bouché — imbécile; *synonymes*: gourde, noix, ballot, fourneau, pied, buse, dinde, fromage, andouille, con, cornichon, cruche
le boulevard des allongés — le cimetière
le cafard — l'ennui
cogner — puer; *synonymes*: fouetter, repousser, taper, empoisonner
se faire déboiser la colline — se faire couper les cheveux
le lèche-cul — le flatteur
manger le morceau — avouer; *synonyme*: se mettre à table
la poisse — la malchance
la purée — la misère
le singe — le chef, le patron
taper dans l'œil à qn — plaire
tordant — amusant

Образным словам и фразеологизмам просторечия и арго часто приписывают такие свойства, как «материальность», «телесность», «вульгарность», «прозаичность». «C'est surtout le corps qui est la grande source des images, — пишет П. Гиро, — le vocabulaire des émotions, en particulier, reste lié aux sens et aux organes par lesquels on les éprouve; c'est le corps et non plus l'âme qui est senti comme le siège des sentiments et des passions»¹. Однако есть ли хоть один язык в мире, в котором «словарь эмоций» не восходил бы в конечном счете к «телесным» и вообще материальным образам? Сœur — вполне благопристойное и в переносном смысле даже возвышенное слово. Но ведь сердце — это тоже «орган, которым мы ощущаем эмоцию»! С точки зрения семантических закономерностей знаменитая фраза из «Сида» «Rodrigue, as-tu du cœur?» не отличается от просторечной и фамильярной «T'as quelque chose dans le ventre, Riri?»

Иначе говоря, общепринятое мнение о вульгарности и даже непристойности просторечия если и не совсем несправедливо, то во всяком случае преувеличено. Объясняется это, надо ду-

¹ Guiraud P. L'argot. — P. 43.

мать, двумя причинами. Во-первых, «приличные» слова и выражения быстро перестают ощущаться как арготические и просторечные и переходят в разряд фамильярных, а то и нейтральных; остаются и фиксируются в словарях просторечия те, которые представляются слишком «грубыми». Вторая причина заключается в том, что лингвисты как носители литературной нормы смотрят на эту лексику извне: для них она чужая, и образы, на которых она основана, воспринимаются ими как вполне живые, в то время как носители просторечия и арго, надо думать, воспринимают эту образность значительно менее остро.

Однако нельзя отрицать и того, что словарь арго действительно битком набит «неприличностями», так что даже выбрать пристойные примеры для этого параграфа было нелегко. Верно и то, что в целом этот словарь, как своим составом, так и способами номинации понятий, отражает определенное мироощущение, характеризующееся неприятием общепризнанных ценностей, циничным, нигилистическим отношением ко всему, что принято почитать в «приличном» обществе. Этим объясняется то, что просторечные и арготические слова часто обладают отрицательной эмоционально-оценочной окраской. Говоря об английском сленге, В. А. Хомяков отмечает, что его «слова и выражения чаще всего имплицитно передают насмешку над социальными, этическими, эстетическими, языковыми и многочисленными иными условностями и авторитетами»¹. Эту оценку можно полностью отнести и к французскому арго, а также к значительной части французского просторечия.

Однако не следует ли видеть в этой тенденции просторечия инстинктивный, анархический протест против классового угнетения, против лицемерия официальной культуры и навязываемых ею запретов, которые так называемые порядочные люди сами же нарушают? Думается, что в классовом обществе, основанном на угнетении, дело обстоит именно так².

Заключая раздел о стилистически сниженной лексике, автор хотел бы предостеречь студентов против излишнего увлечения этими пластами словаря, в частности арго. И не потому, что арго — это неприлично; главное заключается в том, что арготические словечки не соответствуют роли иностранца, даже свободно говорящего на этом языке. Тем более, что научиться употреблять их уместно, так, чтобы они не противоречили стилистическому контексту и ситуации, можно только прожив по крайней мере несколько лет в соответствующей стране.

§ 128. КНИЖНАЯ ЛЕКСИКА

После несколько затянувшегося экскурса в нижнюю часть шкалы нормативности — ненормативности рассмотрим верхние ее ярусы.

¹ Хомяков В. А. Цит. соч. — С. 72.

² Ср.: Guiraud P. L'argot. — P. 47.

Как видно из таблицы 5, книжная лексика состоит из двух основных пластов: общеязыковой, недифференцированной лексики и слов, приуроченных к определенным жанрам или классам жанров.

Слова, приведенные во второй слева колонке таблицы 6, относятся в основном к общеязыковым; некоторые сомнения могут возникнуть только по поводу *fonds* и *aliéné*: первое, как представляется автору, тяготеет к административным и деловым жанрам, а второе принадлежит к подязыку медицины (но также отчасти к административному подязыку.)

Приведем еще небольшой список недифференцированных книжных слов, частично заимствованных у Марузо, Балли и Степанова: *absorber* ('boire'), *acquiescement* ('accord, consentement'), *captif* ('prisonnier'), *châtier* ('punir'), *clore* ('fermer'), *défunt* ('mort'), *dessein* ('projet'), *effectuer* ('faire'), *éveiller* ('révéler'), *frustrer* ('priver'), *haïr* ('détester'), *se hâter* ('se dépêcher'), *incurie* ('laisser-aller'), *infortuné* ('malheureux'), *inopiné* ('inattendu'), *invectives* ('injures'), *parcimonieux* ('avare'), *tolérer* ('supporter'), *vilipender* ('rabaisser, dénigrer')¹.

Что касается функционально специализированной лексики, то тут тоже обнаруживается определенная иерархия: с одной стороны, выделяются общенаучные, общеадминистративные, общеполитические и т. п. слова, а с другой — термины отдельных научных дисциплин, отдельных жанров административного стиля (например, юридические термины), слова, характерные для тех или иных политических партий или течений и т. п. Такие, например, слова, как *orifice* ('trou'), *nocif* ('nuisible'), *corroder* ('ronger'), *pulvériser* ('broyer'), нельзя отнести к той или иной дисциплине, в то время как *mammifère* или *buccal* ('de bouche') принадлежат биологии, *étylène* — химии, *phonème* — лингвистике и т. д.

При этом важно отметить, что воспринимая социально-жанровую окраску специальных терминов, мы, видимо, не можем абстрагироваться от тематики, в особенности если не являемся специалистами в данной области и смутно представляем себе содержание понятия.

Относительно научных терминов иногда утверждают, что они лишены синонимов². Если это так, то можно ли говорить об их стилистическом значении?

Во-первых, научные термины далеко не всегда лишены синонимов. В этом легко убедиться, взяв, например, «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой. Раскрыв его наудачу, на первой же попавшейся странице находим: «Обоюдная ассимиляция. То же, что ассимиляция взаимная...»; «Обоюдная метатеза... То же, что метатеза на расстоянии...»; «Образно-поэтическая синонимия. То же, что синонимика стиливая...»;

¹ Подобный список см.: *Georgin R. Les secrets du style.* — P.: Les Editions sociales françaises, 1961. — P. 56-57.

² См., например: *Морен М. К., Тетеревинова Н. Н.* Цит. соч. — С. 132.

«Образное определение. То же, что эпитет»; «Образование звука. То же, что артикуляция»¹.

Во-вторых, нередко бывает, что, не имея синонима того же грамматического класса, термин имеет достаточно точный аналитический или перифрастический эквивалент: *solaire = du soleil, buccal = de (la) bouche, sapide = qui a un goût particulier, la cécité = le fait d'être aveugle, la maturité = le fait d'être mûr*.

Наконец, мы знаем, что стилистически значимым может быть выбор и между видовым и родовым словом (§ 66) — ср.: *psychose* и *schizophrénie*, *poitrinaire* и *tuberculeux pulmonaire*, *matière plastique* и *polyuréthane* и т. п. Вообще нельзя представить себе речевую ситуацию, в которой данное предметно-логическое содержание можно было бы выразить только одним способом. Если бы это было так, то обучение основам наук было бы невозможно. Современный научный термин закрепляет в слове сложное понятие — продукт коллективного опыта человечества. Употребляя его в речи, мы предполагаем, что адресат владеет суммой знаний, необходимой для того, чтобы его понять. Поэтому, кстати сказать, неограниченное употребление специальных терминов в тексте свидетельствует о том, что субъект рассматривает адресата как равного себе, такого же специалиста, как и он сам. Но, если мы хотим быть понятыми и неспециалистом, мы всегда можем найти способ это сделать. Самое сложное содержание можно выразить просто, пусть и менее экономно. И разница между строго научным, терминологическим и научно-популярным способом изложения — разница стилистическая, в том смысле, что она несет информацию о субъекте и адресате, о том, как субъект представляет себе адресата, о ситуации общения в целом².

Последнее, о чем следует напомнить в этом параграфе: функционально и стилистически специализированные пласты лексики книжного яруса не совпадают или лишь частично совпадают с традиционно выделяемыми функциональными стилями — об этом говорилось достаточно подробно в § 27.

§ 129. НЕКОТОРЫЕ ЯВЛЕНИЯ «КНИЖНОЙ» ГРАММАТИКИ

Ядро грамматической системы языка принадлежит норме. Однако внутри этого ядра можно выделить некоторые явления, которые приурочены к специфически книжным жанрам. Здесь будет достаточно резюмировать сказанное по этому поводу выше, в главах V и VII.

Основная совокупность грамматических явлений, которые следует расценивать как книжные, связана с тем, что выше

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — С. 275.

² О стилистическом значении терминов см.: Скребнев Ю. М. Цит. соч. — С. 104—105.

мы определили как производные структуры предложений (§ 70—72 и 115). Из этого следует, что все типично неспонтанные конструкции в то же самое время могут быть определены как книжные. Но «книжность» не исчерпывается неспонтанностью, оппозицию «спонтанность — неспонтанность» нельзя свести к оппозиции «некнижное — книжное» хотя бы потому, что «книжная» речь может и не содержать явных признаков неспонтанности.

Очевидно также, что не все без исключения производные структуры мы можем определить как книжные (см. § 70).

Помимо производных структур к «книжной» грамматике относятся и некоторые явления поверхностного синтаксиса — такие, например, как большинство случаев инверсии подлежащего в повествовательном предложении, а также сложные предложения с существенно развернутыми неконечными блоками (см. § 112). В сфере употребления глагольных времен, как уже было указано в § 76 (а также в § 121), ярко выраженным книжным характером отличаются *passé simple* и *passé antérieur*, а также *imparfait* и *plus-que-parfait du subjonctif*. Из прочих грамматических явлений мы отмечали метонимическое употребление единственного числа существительных в случаях, когда речь идет о множестве объектов (...*l'œil frais comme un gardon*; *L'Espagnol aime la musique qui fait danser* — см. § 78), а также архаизирующее опущение артикля в некоторых свободных сочетаниях (*N'est-ce pas grande folie?*).

§ 130. ВОЗВЫШЕННАЯ ЛЕКСИКА

Как уже было сказано, нижняя граница этого яруса размыта: отделить возвышенное от просто книжного бывает нелегко. Кроме того, как видно из таблицы 6, далеко не каждое нейтральное слово имеет возвышенный синоним; ограниченность словаря — общее свойство крайних ярусов (см. § 126).

Само понятие возвышенной лексики достаточно неопределенно. Наиболее четко выделяются в этой совокупности так называемые **поэтизмы**, слова, принадлежащие к традиционному возвышенно-поэтическому лексикону:

appas m pl ('charmes'), *aquilon m* ('vent du nord'), *astre m*, *aurore f* ('aube'), *bercail m* ('bergerie'), *bras m* ('vaillance'), *cœur m* ('courage'), *cieux m pl*, *cavale f* ('jument'), *couche f* ('lit'), *coursier m* ('cheval'), *ensevelir* ('enterrer'), *fer m* ('épée'), *fers m pl* ('chaînes'), *feu m* ('amour, passion'), *flamme f* ('amour'), *flot m* ('eau'), *folâtre* ('gai'), *folâtrer* ('s'amuser'), *muir*, *onde f* ('eau'), *pasteur pâtre m* ('berger'), *pleurs m pl* ('gémissements, larmes'), *rameau m* ('branche'), *trépas m* ('mort'), *voguer* ('naviguer'), *volupté f* ('plaisir'), *zéphyr m* ('vent doux') и т. п.

Прежде всего необходимо отметить одно общее свойство возвышенно-поэтической лексики: во французском, в русском и в других европейских языках этот лексический пласт в целом

архаичен, что объясняется как общей демократизацией литературного языка, так и тенденциями развития европейской поэзии XIX и XX веков: современная поэзия, как правило, не пользуется традиционным поэтическим словарем.

Однако, если русский возвышенно-поэтический словарь богат и разнообразен (в чем легко убедиться, открыв наудачу книгу любого русского поэта первой половины XIX в.), то по сравнению с ним французский язык кажется предельно однообразным и бедным. Эта разница сразу же обнаруживается при сравнении текстов французских поэтов XVII—XVIII — начала XIX века с их переводами на русский язык, выполненными в XIX и даже в XX веке. Так, в отрывке из поэмы Парни «Иснэль и Аслега», переведенном Батюшковым¹, обнаруживается всего 8 более или менее бесспорных поэтизмов на 113 лексически однозначных слов: *les voiles de la nuit*, *les héros*, *le cougroux*, *l'esquif* ('le bateau'), *le flot* ('l'eau'), *le trépas* ('la mort'), *invincible*, *le fer* ('l'épée'). В переводе же их концентрация в 2,5 раза больше: 32 на 170 однозначных слов (пламень, отягощать, средь, очи, реять, десница, бранный, челн, узреть, отчизна, чадо, воззвать, уста, трикрат, рамена, ветр и др.).

Примерно такое же соотношение обнаруживается при сравнении знаменитого монолога Родриго из «Сиды» Корнеля и его перевода на русский язык, выполненного Катениным².

Причина этого явления ясна: русский поэтический язык в своем становлении и развитии опирался на так называемый церковно-славянский, который широко поставлял ему недостающую лексику, в частности готовые торжественно-поэтические синонимы, либо мало отличавшиеся по своему звуковому облику от русских слов (ср.: ветер и ветр, дочь и дщерь), либо образованные от общих для того и другого языка корней, понятных всем (узреть, внимать, тшиться, отверзать и т. д.). По отношению к французскому языку латынь не могла играть аналогичную роль, поскольку расхождение между ними было гораздо больше.

§ 131. О ТРЕХ ОСНОВНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ СТИЛЯ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

В трех последних главах мы рассмотрели три основных компонента стилистического значения, которые являются в то же время тремя главными измерениями стиля: эмоциональность — неэмоциональность, спонтанность — неспонтанность и нормативность — ненормативность. Нет нужды снова доказывать, что это разные измерения. И все же, как было отмечено еще в главе III (§ 42), между разными полюсами этих трех шкал

¹ См.: Французские стихи в переводах русских поэтов XIX—XX вв.— М.: Прогресс, 1969.— С. 122—125.

² Французские стихи в переводах русских поэтов XIX—XX вв.— С. 46—49.

наблюдаются определенные притяжения и отталкивания, «симпатии» и «антипатии». Уже в этой главе, в § 129, мы установили, что неспонтанность — важнейшая характеристика книжного синтаксиса. В другом месте (§ 125 и 127) было замечено, что эмоциональность — неотъемлемое свойство фамильярной речи, а в главе VII (§ 110) говорилось о том, что всякая подлинно спонтанная речь более или менее эмоциональна.

Таким образом, эмоциональность, спонтанность и стилистическая сниженность образуют как бы один лагерь, которому совместно противостоят неэмоциональность, неспонтанность и стилистическая возвышенность, в частности книжность. Иначе говоря, вся наша речевая деятельность колеблется между двумя полюсами, двумя противостоящими друг другу началами: между простым, стихийным, личностным, субъективным, аффективным и эфемерным, с одной стороны, и сложным, обработанным, ролевым (социально обусловленным), объективным, интеллектуальным, постоянным — с другой.

Первому исконно соответствуют такие ситуации, когда адресат выступает в глазах субъекта как близкий (в прямом и переносном смысле слова), «свой»; второму — когда адресат воспринимается как далекий, «чужой». Первое начало наиболее полно реализуется в спонтанной, фамильярной и аффективной речи; второе — в письменной, официальной и интеллектуальной (научной и административной в первую очередь).

Но каково же место художественной речи в этой системе измерений? Не опровергает ли она своим существованием все здесь сказанное?

Нет, потому что художественная речь, вообще художественное творчество, реализует диалектический синтез индивидуального, личностного, и общего, социального. Языком искусства общество говорит с самим собой на уровне личностей, в искусстве индивидуальное приобретает статус общественного.

В языке, как и в природе, на разных уровнях структурной организации обнаруживается единый конструктивный принцип: сложное создается из ограниченного числа исходных относительно простых элементов. Подобно тому, как атомы складываются из элементарных частиц, молекулы — из атомов и т. д., морфемы складываются из фонем, слова — из морфем, словосочетания и предложения — из слов.

Этот принцип определяет и структуру стиля как особого содержательного аспекта речи: из ограниченного набора языковых стилистических значений, как в конкретных речевых актах, так и в речевом узусе, создается все многообразие стилей, отражающее многообразие коммуникативных ситуаций, социальных и личностных отношений между коммуникантами. Сочетаясь друг с другом, взаимодействуя с различными контекстами, фигурируя в различных ситуациях общения, языковые единицы, обладающие типовыми узуальными стилистическими значениями, создают своеобразие речевых жанров и конкретных сообщений.